
КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИИ

Л. С. ВАСИЛЬЕВ

ФАКТОРЫ ЭВОЛЮЦИИ

В статье излагается оригинальная концепция основных факторов эволюции в истории человечества. Выделенные факторы рассматриваются с точки зрения их роли в историческом процессе. Особая значимость, которая придается автором статьи третьему из этих факторов, буржуазному, связана как с критикой теории формаций, так и с необходимостью наглядно продемонстрировать роль буржуазных преобразований (которые иногда именуют бессодержательным сочетанием «промышленный переворот») в принципиальной важности процессе ускорения эволюции.

Мыслители, особенно на Западе, начиная с античности часто пытались найти какую-то закономерность в исторических событиях (о явлениях природы им приходилось размышлять меньше, ибо здесь сама за себя говорила регулярная смена времен года и суточного цикла). Поиски велись в различных направлениях, от стремления найти связь между этапами развития общества и формами государства (Аристотель) до теории четких стадий кругооборота в жизни каждой из так называемых локальных цивилизаций (А. Тойнби). Создавались различные схемы смены эпох (например, от «золотого века») и иные сходные с ними теории этапов социальной эволюции.

Общей идеей, объединявшей все эти поиски, было стремление как-то упорядочить в сознании общества все те сведения, которые были уже ему известны и которые буквально просились быть уложенными в некую непротиворечивую схему. Но во всех такого рода схемах, включая и марксизм с его теорией пяти формаций, будто бы регулярно сменявших друг друга в закономерном движении от первобытного стада к искусственно созданному «светлому будущему» человечества, т. е. к коммунизму, на передний план выходила закономерность эволюции. Чаще всего жесткая, непреложная закономерность, не знающая сомнений и отклонений. Стоит в каче-

стве итога сказанного привести характерную заключительную цитату из статьи «Закономерность общественная» в «Философской энциклопедии» (1962: 157): «Возникновение и рост социалистического лагеря, крушение колониальной системы империализма, приближающийся неизбежный крах империализма – яркое подтверждение действия познанных марксизмом законов истории».

Комментарии, как говорится в подобных случаях, излишни. Стоит лишь добавить к идее о закономерности в историческом процессе то, что все же некоторые из таких закономерностей реально существуют и вполне зримы. К их числу можно отнести, например, поступательное развитие как самого человека в процессе антропогенеза, так и человеческого общества после его возникновения. Однако фиксация этих и других тесно связанных с ними закономерностей в историческом процессе отнюдь не освобождает специалистов от необходимости совершенно иначе, чем это сделано в теории марксизма или даже у Тойнби, отнестись к серьезной проблеме эволюции. Речь пойдет о том, что именно способствует развитию и обеспечивает неуклонное движение общества вперед. Имеются в виду те основные факторы, которые, как выясняется, способны оказать значительное позитивное воздействие на ход исторического процесса. Таких факторов три. Наиболее существенная разница между ними сводится к свойству либо отчетливо и однолинейно способствовать успеху эволюции, либо складываться в комплекс явно выраженных благоприятных и неблагоприятных обстоятельств. Словом, перед нами проблема, в которой следует разобраться особенно тщательно, ибо от правильного ее понимания зависит очень многое.

Удачная случайность в истории

Этот – первый – фактор можно считать наиболее распространенным и чаще всего играющим очень существенную роль. Но для начала поставим вопрос в самом широком плане. Что такое случай и как могут повернуться события в зависимости именно от этого на первый взгляд столь несерьезного для солидного академического исследования фактора? На самом деле фактор, о котором идет речь, более чем серьезен и вполне заслуживает самого пристального анализа. Не углубляясь в детали и не стремясь расширить количество примеров, обратим внимание на самое основное. То, что обычно выглядит как некая случайность, – это чаще всего события, в которых главную роль играет нечто не вполне очевидное, могущее про-

изойти либо не произойти, обернуться так или иначе, принести пользу, вред, победу или поражение. Иногда это может быть нечто ужасное, выходящее за пределы обычной нормы и несущее за собой что-то прежде никому не ведомое. Событий такого рода необозримое множество, как в индивидуальной жизни, так и в явлениях глобального и космического ряда.

Первая и важнейшая для человечества случайность – в том, что в далекое время расширения Вселенной появилось на свет наше столь отличающееся от миллиардов иных звезд Солнце. Ведь этого легко могло просто не произойти, и заметить было бы некому. Случайность, что нашей планете выпал исключительно редкий жребий – возникновение и развитие жизни, что она не столкнулась с солидным астероидом, который мог бы расколоть и погубить ее. Неоценимый случай – появление в результате усложнения форм жизни млекопитающих, приматов и рода *Homo sapiens*, т. е. людей, наделенных разумом и творческими потенциями необычайной силы.

Пойдем дальше. Каждый из нас имел возможность появиться на свет, но столь же легко мог и не появиться – и трудно оценить, от какого бесчисленного количества неопределенностей это зависит. Любой фактически в любую минуту может умереть от болезни либо несчастного случая, на войне или в результате иного бедствия, а может спокойно дожить до старости и почить в окружении большой семьи. Война, в которой гибнут многие, может случиться именно в годы вашей жизни, а может, если повезет, обойти вас стороной. Это же относится к эпидемиям, к космическим явлениям земного порядка, таким как наводнения, землетрясения, перемены климата и т. д. и т. п.

Едва ли стоит продолжать. В самом общем виде важно понять, что речь идет об элементарном разовом и даже уникальном (хотя и вполне возможно повторяющемся) событии, воздействие которого способно решительным образом изменить очень многое. Эти перемены регулярно, вплоть до наших дней, проявляются и в жизни людей, и в любой современной стране с ее правителями, от поведения которых обычно зависит так много. Они заметны и в важных исторических событиях (гибель стран и народов, изменение геополитической картины мира и т. п.), и в катаклизмах космического масштаба. Понятно, что для анализа поставленной проблемы всего перечисленного слишком много. Поэтому, отбросив в сторону все лишнее, остановимся на том, что крайне существенно для истории.

Начнем с процесса антропогенеза, который, к слову, уточняется по мере новых находок. Напомним о его сути. В ходе длительной серии неповторимых и в своем наборе явно случайных мутаций и следовавших за каждой из них столь же непредсказуемых метисаций произошел сапиентный человек.

Нет оснований сомневаться в том, что это был уникальный и в своем роде счастливый случай. Природа, которую олицетворяло все многообразие изменяющейся жизни на планете, вроде бы играла сама с собой, следуя столь же классическому, сколь и элементарному принципу проб и ошибок. Эта игра, скорей всего, не была подчинена определенной, кем-либо и как-то осознанной цели. Но при этом все же встает вопрос: мог ли быть такой случай совершенно случайным (извините за тавтологию) или в нем все же таилась некая объективная закономерность, т. е. неизбежность, неотвратимость проявления процесса эволюции, своего рода имманентного стремления всех (или почти всех) проявлений жизни к чему-то более совершенному? Ведь – поставим этот вопрос чисто теоретически – могла же эволюция гоминид (не вообще появление их, а некое упорное стремление к совершенству, требовавшее дополнительных стимулирующих усилий) завершиться до возникновения сапиентов, как завершилась она в процессе эволюции других приматов, не говоря уже об остальном живом мире? И если считать, что какая-то неизбежность появления на нашей планете Человека Разумного все-таки почему-то была, то почему? Что могло заставлять гоминид стремиться к некоему завершению начатых их далекими предшественниками поисков именно такого рода удачной случайности? И что именно способствовало успешной реализации этих поисков?

Современная наука, археология и физическая антропология, не в состоянии дать развернутый убедительный ответ на эти вопросы. И отнюдь не случайно, что вплоть до сегодняшнего дня в качестве альтернативы выступает религиозный миф, созданный разными религиями еще на заре истории. Но оставим миф в покое и обратимся все же к науке. Мы вправе предположить, что даже тогда, когда процесс возникновения видов на нашей планете почти полностью завершился (речь не об окончании всех мутаций в мире живого!), остался один этап, последний и завершающий. Именно этим последним было неукротимое стремление Природы (назовем этот не-

известный нам импульс именно так) к появлению сапиентного человека.

Гоминиды, каждый вид которых сменялся в результате удачных мутаций более развитым, не останавливались в этом долгом поступательном процессе эволюции до того, как в результате сохранившихся в их распоряжении потенций они достигли уровня Человека Разумного. В огромном и разнообразном мире живого на нашей планете возник Разум как таковой. И на этом эволюция в форме резко преобразующих виды гоминид мутаций вроде бы остановилась. Почему же? Видимо, все дело в том, что был достигнут некий возможный в тех обстоятельствах рубеж.

Разум в мире живого, руководствовавшегося до того в повседневном поведении (за исключением уже достаточно развитых представителей гоминид, например неандертальцев) в основном лишь элементарными инстинктами, – грандиозное завоевание. Без него любое человекообразное существо, любой современный человек перестает быть полноценным, даже если он вполне в состоянии совершать некоторые простейшие действия. Место такого несчастного в современном человеческом обществе если и не в доме умиренных, то под строгим присмотром медицинских учреждений. И разница между ним (либо – если иметь в виду процесс антропогенеза – неандертальцем) и полноценным сапиентным человеком необычайно велика. Поэтому очень важной удачной случайностью следует считать тот факт, что процесс антропогенеза, продолжавший делать шаг за шагом вперед в ходе спорадических мутаций, логично ориентировался в своем объективном стремлении вперед именно этим. Понятно и то, что, достигнув этого, мутации кардинальной важности завершились. Завершились просто потому, что главное дело было наконец сделано. Возник Человек Разумный с его еще не совсем развитым умом, но уже совершенным и потенциально способным развиваться до необычайного уровня интеллектом. Собственно, именно этот великий завершающий момент в процессе антропогенеза и был, как следует полагать, высшей конечной целью Природы. Он и только он один мог обеспечить процветание жизни людей на нашей планете. Это и есть по сути своей первая и самая главная удачная случайность в том историческом процессе, который стоит в центре нашего внимания.

Но это было только началом. На протяжении всей истории удачные случайности играли, хотя и по-разному в разное время и в

неодинаковой обстановке, исключительно важную роль. Удачные находки помогли обладающим разумом людям овладеть производством пищи (земледелие и скотоводство), перейти к оседлому образу жизни в постоянных постройках, научиться прядению, ткачеству, изготовлению керамических сосудов и одежды. Случай познакомил их с искусством изготовления орудий и оружия не только из камня, но и из металла. Собственно, вся история длившейся несколько тысячелетий неолитической революции – это совокупность счастливых находок и удачных случайностей. Так продолжалось и после.

Хорошо известно, например, что первые шаги неолитических земледельцев были направлены в сторону великих речных долин, из которых наиболее удачной для освоения оказалась долина Нила с его медленным течением и регулярными с календарной точностью разливами. В итоге первые и весьма впечатляющие достижения ранних очагов урбанистической цивилизации можно обнаружить именно при изучении многотысячелетней истории Египта. По сути, вся древнеегипетская история с ее стабильностью и высоким уровнем развития, особенно в сфере организации централизованной администрации, была обусловлена более чем удачной случайностью. Египет, как писал еще в древности греческий историк Геродот, – дар Нила, и этим очень многое, если не все, объясняется.

Без сомнения, удачный случай – гость не слишком частый. Египетский стиль жизни, как и многое заимствовавший у него стиль существования в иных странах традиционного Востока с их очагами урбанистической цивилизации, весьма разными в деталях, но в чем-то близкими друг к другу, отличался крайне замедленными темпами эволюции. Для ранних человеческих обществ это вполне естественно. Но стоит принять во внимание еще и то, что основные институты в древневосточных обществах возникали неторопливо и складывались постепенно. Конечно, спокойной жизни мешали войны и следовавшие за ними разрушения, массовые перемещения народов и многие иные негативные для людей следствия. Для большинства стран это следует расценивать как неудачные случаи, несшие с собой много страданий и потерь. Неудивительно поэтому, что именно на таком не слишком радужном фоне высшей социально-политической ценностью в цивилизованных обществах Востока издревле и на долгие тысячелетия стала считаться консервативная стабильность.

Жить спокойно, без излишних волнений, вызываемых новшествами и переменами, от которых неизвестно чего можно ожидать, – вполне естественное желание. Но такого рода замедленная, подчас застывшая жизнь не способствует эволюции. А естественный прирост населения и набег соседей, тем более жестоких варваров-кочевников, обычно рушащих все, что попадает им под руку, и редко щадящих при этом мирных жителей, с течением времени вступают во все более острые противоречия с привычкой жить спокойно и не торопясь. Реальная обстановка настоятельно требует поворачиваться быстрее и развиваться энергичней, ибо в противном случае консервативная стабильность может оказаться чреватой ослаблением и гибелью. Вывод очевиден: спокойная жизнь (вроде бы следствие удачной случайности) вступает в определенное противоречие с успешной эволюцией. Обратим внимание на это очень важное несоответствие, которое уже в середине I тысячелетия до н. э. было хорошо осознано, по меньшей мере в пределах всех стран ближневосточной древности, оказавшихся завоеванными персидской империей Ахеменидов.

История традиционного Востока была сравнительно безмятежной – если так можно назвать ситуацию со все учащавшимися войнами между странами ближневосточной древности, которые не затрагивали разве что лишь гигантские массивы Индии и Китая, где, впрочем, шли свои внутренние войны примерно такого же масштаба. На этом неутешительном фоне практически не менялось только одно: все страны Востока, о которых идет речь, были структурами раннего восточного типа. В них абсолютно господствовал принцип власти-собственности с соответствующими ему институтами. Имеются в виду централизованная и – что касается Китая и, видимо, частично Индии – децентрализованная редистрибуции¹.

---

¹ Термин «децентрализованная редистрибуция» означает, что правители, будучи не в состоянии по разным причинам контролировать свои владения (это обычно было связано с недостаточным уровнем развития, отсутствием необходимой инфраструктуры и централизованной администрации), раздавали в качестве награды за службу часть своих владений родственникам и приближенным, что создавало знакомую по европейскому средневековью ситуацию феодальной социально-политической системы. Система такого рода в ее наиболее полном и близком к западноевропейской виде существовала на протяжении нескольких веков в Китае эпохи Чжоу. По мере развития общества и становления в нем необходимой инфраструктуры и централизованной администрации древнекитайский феодализм в процессе дефеодализации исчез, уступив место всесторонне развитой и оснащенной хорошо продуманной бюрократической администрацией мощной империи (подробнее см.: Васильев 1995; 2000; 2006). Есть основания воспринимать процесс генезиса феодализма в Европе как вынужденную реализацию такой же «децентрализованной редистрибуции», корни которой уходят в древневосточные реалии.

На Востоке преобладал первый вариант с характерными для него социо-политическими и экономическо-правовыми нормами, способствовавшими всецелию бесцеремонной и часто коррумпированной власти аппарата администрации в рамках большого государства. Практически это означает, что обычные предприниматели и торговцы в рамках рыночно-частнособственнических отношений (за редчайшими исключениями рано возникших торговых центров, оказавшихся вне больших государств, да и при этом далеко не в полной мере) были абсолютно не свободны в своих торгово-экономических операциях. Товарно-денежные связи и ремесло как отрасль городского хозяйства находились под строгим контролем администрации, а частные собственники не имели никаких прав, свобод, гарантий и тем более привилегий. Скорей, напротив, все они были обременены четко обусловленными нормами обычного права и разного рода обязательствами, сводившимися не только к налогам и таможенным пошлинам, но и к непременным подношениям власти имущим.

Вторичность и зависимость торговли, рынка и частной собственности были в немалой мере обусловлены тем, что раннее, пусть медленное, становление государственных институтов в древневосточных странах намного опередило тот период, когда в этих странах набрал силу процесс приватизации и получили более или менее широкое распространение товарно-денежные связи и рынок. Естественно, что при этом власть, привыкшая свободно распоряжаться всей совокупностью произведенного в стране продукта (откуда и понятие «власть-собственность» с присущей этой власти централизованной редиистрибуцией, осуществимой лишь при наличии хорошо организованной и исправно функционирующей администрации), ревниво рассматривала богатевших частных собственников и рыночных воротил как конкурентов.

Эти конкуренты залезали в карман казны, куда до того стекалось все то, что непосредственно не потреблялось теми и в том количестве, кому и что было положено. Словом, появление нового частнособственнического хозяйственного уклада спутало привычную картину и начало приносить казне определенные неудобства, даже учитывая рост произведенного в данном обществе продукта за счет рыночно-частнособственнической экономической активности. При этом нельзя не заметить, что и частные собственники, лишенные прав и защиты и невольно становившиеся объектом завис-

ти обездоленных, предпочитали опираться на вороватых чиновников, оказывавших им за это определенное покровительство, нежели оставаться один на один с разъяренным народом, особенно в голодные неурожайные годы.

Такая ситуация грозила нарушить ту излюбленную консервативную стабильность, ценность которой всегда оставалась на Востоке – до конца периода вестернизовавшего его колониализма, а кое-где и позже, почти до наших дней, – безусловной. Неудивительно поэтому, что частный собственник на Востоке, если только это не был представитель власти, не пользовался официальным покровительством администрации. Напротив, он очень часто ощущал на себе ее тяжелую руку, иногда приводившую его дело к полному расстройству, а его самого к суровым репрессиям. Но вся сложность сложившейся ситуации сводилась к тому, что при принципиально ином подходе к рыночно-частнособственническим отношениям и товарно-денежным связям общество в целом могло быстро и сильно выгадать и буквально расцвести.

Обратим взгляд на то, что произошло некогда на территории Элады. Есть сведения, будто бы там случился некий катаклизм. В богатой древнегреческой мифологии упоминаний о нем нет. Зато великий философ Платон, далекий от мифотворчества, в своих произведениях достаточно подробно изложил рассказ о загадочной высокоразвитой цивилизации Атлантиде, которая будто бы за много тысячелетий до его времени исчезла с лица Земли, погрузившись в пучину моря. Так оно было или не так, об этом вот уже две с лишком тысячи лет спорят сотни любителей и многие десятки людей с более серьезной профессиональной подготовкой. Спорят без всякого результата и вполне могут продолжать свое дело еще очень долго. Но для нас интересен сам факт: некий катаклизм, быть может не имевший никакого отношения к никогда не существовавшей загадочной Атлантиде, смел с лица Земли расцветавшую на острове Крит урбанистическую цивилизацию.

Катаклизм привел к тому, что на Крит пришли иные люди, варвары-дорийцы, которые безжалостно разрушили все то, что еще оставалось целым, и вернули критскую цивилизацию и весь мир предшествовавших им греков-ахейцев к уровню примитивной первобытности. Но что поразительно: в отличие от множества подобных случаев (вот она, роль удивительно удачного, несмотря ни на что, случая!), на сей раз все пошло каким-то иным и очень неясным науке путем. Начался весьма долгий период так называемых «тем-

ных веков», о котором мало что известно. С абсолютной достоверностью известно лишь, что за время, которое занял этот период, в древнегреческом обществе произошла радикальная социально-политическая трансформация, фактически очень сходная с теми частыми и неповторимыми мутациями, о которых шла речь применительно к процессу антропогенеза. Только на сей раз мутация произошла не с живым существом, а с обществом, причем проявила себя она преимущественно в сфере экономическо-правовой и социо-политической, т. е. как раз там, в тех самых сетях, где безнадежно запутались рыночно-частнособственнические отношения на классическом Востоке.

Обратим внимание на то, что в Элладе появился древнегреческий полис с его свободными гражданами и выборными магистратами, с весьма развитыми рыночно-частнособственническими отношениями, которые не только не контролировались властью, но, напротив, обладали всеми правами и привилегиями. Более того, они стали чем-то не просто наиболее важным, но господствующим в обществе принципиально нового типа. Товарно-денежные и рыночно-частнособственнические отношения обрели здесь безусловный приоритет и оказались объектом тщательной заботы со стороны выборных руководителей полисов, избравшихся гражданами на очень ограниченный срок и несших ответственность перед ними за свою деятельность после окончания этого срока.

Иными словами, в человеческой цивилизации на весьма раннем этапе ее эволюции произошла Великая Бифуркация, в результате которой рядом с древними очагами высокой культуры традиционного Востока с его очень медленными темпами эволюции появилась принципиально новая и по многим параметрам прямо противоположная им цивилизация быстро развивавшегося античного Запада. Но почему развитие античного мира пошло путем, которого больше нигде и никогда не было? Этот уникальный факт вполне можно считать какой-то случайностью. Ведь перед нами, безо всяких сомнений, возникло нечто уникальное и неповторимое, и именно поэтому – как и в процессе происхождения сапиентных людей современного типа – есть все основания говорить об удачном случае, резко выделившимся на фоне множества не слишком удачных. Но что стояло за этой удачной случайностью? Откуда и почему она появилась и реализовалась в столь совершенной и до-

вольно сложной форме? Вопросы эти остаются в современной науке недостаточно ясными. Но вот что необычайно интересно.

Когда великая персидская империя Ахеменидов, подчинившая себе все государства ближневосточной древности, попыталась было начать войну с разрозненными и крайне мало населенными греческими полисами, с трудом объединившимися перед опасностью извне (вот чему бы стоило поучиться русским князьям в момент нашествия татар!), она не сумела одолеть противника в серии так называемых греко-персидских войн. Более того, спустя всего около века после окончания этих войн эта же империя, собравшая в кулак огромное военное могущество, позорно проиграла все битвы с великим греко-македонским полководцем Александром, войско которого не шло ни в какое сравнение с тем, каким обладал правитель Ахеменидов. Почему проиграла?

Практически в любой войне решающую роль – при всей бесспорной значимости многих прочих факторов – играет именно случай. Но этот случай в подобных обстоятельствах тоже появляется не сам собой, а является чаще всего итогом умелого расчета, т. е. результатом напряженной работы выдающегося разума. В падении великой и, можно сказать, мировой державы Ахеменидов решающую роль сыграл, как всем хорошо известно, военный гений Александра. Однако, говоря о его победах, стоит отметить не только случайность как важнейший фактор, определивший на несколько веков ход истории, но и *весь сложный комплекс благоприятного стечения обстоятельств.*

Дело в том, что если мы соединим воедино неудачи великой империи в длившемся свыше века ее противостоянии Элладе, состоявшей из многих десятков, если даже не сотен небольших и не очень друживших между собой полисов, то мы невольно приходим к выводу, что решающую роль в успехах эллинов сыграл не только и не столько полководческий гений Александра. Свой вклад внесла военно-морская мощь искусных в мореплавании греков, которую не стоит недооценивать. Сказалось разумное умение забывать взаимную неприязнь и объединяться в борьбе с общим врагом. Но самое важное в другом. *Победу грекам и македонцам принесла их принципиально новая политическая и социально-экономическая структура, их демократические нормы жизни и та самая свобода, которую все они столь высоко ценили. Ведь Элладе противостояли солдаты империи, которую нередко именуют деспотией поголов-*

ного рабства. Можно в этой связи заметить, что с ахеменидским войском из подданных царя-деспота, привыкших находиться в зависимости от воли хозяина, воевали люди свободные, незнакомые с деспотической властью граждане полисов, представители принципиально новой структуры в сформировавшемся человеческом обществе.

Господство рыночно-частнособственнической структуры античного типа в Элладе и нанесенное эллинами поражение империи Ахеменидов привели к тому, что новая, рыночно-частнособственническая структура быстро распространилась в городах рухнувшей и доставшейся завоевателям персидской империи. И не приходится удивляться тому, что в этих городах древнего Ближнего Востока тоже возникло новое, смешанного типа хозяйство, в котором стал задавать тон эллинизм, т. е. сохранявшее свой приоритет – пусть даже при наличии прежней имперской администрации – высоко-развитое и огражденное законами, гарантиями и привилегиями, быстрыми темпами эволюционировавшее рыночно-частнособственническое хозяйство протобуржуазного типа.

Собственно, именно это, а не само по себе завоевание империи Александром, привело к радикальным переменам на традиционном Востоке. Правда, эти перемены сумели всерьез затронуть лишь города и оставили вне своего воздействия обширную провинциальную хору. В рамках инертной и отдаленной от ближневосточных городских центров многонаселенной хоры появившиеся из Эллады принципиальные новации за несколько веков своего существования так и не сумели, к сожалению, сломать тысячелетиями создававшуюся и стойко хранившую свои традиции привычную восточную структуру власти-собственности. И именно эта традиционная структура с характерными для нее институтами и нормами, включая тягу к веками сохранявшемуся образу жизни с его привычным замедленным темпом существования, сыграла роковую роль в последующих событиях.

Приняв во внимание все вышесказанное, поставим вопрос о том, как следует воспринимать и оценивать случившееся. Казалось бы, и безусловный приоритет рыночно-частнособственнической структуры, и на редкость удачный случай, т. е. успешные завоевания Александра и возникновение системы эллинизма на Ближнем Востоке, слившись воедино, должны были дать мощный импульс огромной силы. Этот импульс вроде бы позволял решительно пре-

одолеть древнюю и явно более отсталую структуру, не имевшую серьезных шансов выдержать соперничество с новой. Но на деле уже в начале исторического периода Средних веков произошло нечто иное. Что же случилось?

Благоприятное стечение обстоятельств

Теперь самое время разобраться в том, как функционировал второй важнейший фактор эволюции, который сыграл роковую роль в противостоянии ближневосточного мира античному. Стечение обстоятельств, благоприятных и не очень, а подчас и явно неблагоприятных, – вот что выходит на передний план в реальных сплетениях многих исторических событий. Именно это сложное явление, далеко не всегда в деталях поддающееся точному анализу, очень часто играло решающую роль в событиях, приводя всех их участников к неожиданному и нередко явно незапланированному результату.

Переходя к оценке значимости второго фактора, начнем с того, что снова обратим внимание на роль первого. В нашем анализе рассматривались исключительно удачные случайности. Все прочие варианты случайных событий были заранее отмечены и исключены из поля зрения именно потому, что одна только удачная случайность может и должна считаться фактором, способствующим эволюции. Хотя случай в нашем быту встречается буквально на каждом шагу, удачная случайность, которая может сыграть решающую роль в историческом процессе, – явление достаточно редкое. Быть может, ее даже стоит считать скорее чем-то необычным. Это своего рода выпавший жребий, неожиданный крупный выигрыш. Мало того, зачастую это своеобразное поле соревнования как для людей, так и для идей, для человеческого разума.

Сложность, запутанность и неожиданность ситуации в том, что случайность отнюдь не обязательно является неожиданно. Повторю, мы анализируем не бесчисленные обыденные происшествия, а только исторически существенные случайности. При этом сама ситуация, которая в немалой мере зависит от удачного случая, обычно либо воспринимается как некое чрезвычайной важности событие, либо просчитывается. В первом варианте это должно расцениваться – если не самими участниками событий, то аналитиками – как бесценный Дар Природы. Это, к примеру, Разум сапиентного человека. Это неолитические достижения и первые очаги цивили-

зации. Это Великая Бифуркация и возникновение античной полисной структуры. Но тут счет, пожалуй, и оборвется. Во втором варианте (имеются в виду прежде всего войны) успех должен быть обеспечен умелым и дальновидным расчетом.

Вот здесь мы от элементарного случая плавно переходим ко второму фактору – к благоприятному стечению обстоятельств. Что это такое? Прежде всего сочетание индивидуального расчета (иногда интуитивного чувства гения) с многочисленными объективными обстоятельствами, подчас хорошо видными и поддающимися все тому же расчету, но иногда, причем в немалой своей части, скрытые либо не выдвинутые на передний план. Вроде бы все не так уж и сложно. Продумай ситуацию в целом и прими разумное решение. Но на деле все обстоит очень непросто.

Даже если считать, что Природа наградила человека разумом, она не в состоянии быть нянькой при каждом разумном индивиде, не говоря уже обо всех прочих. А это значит, что появляются люди, по-разному использующие свой природный разум, большой или малый. Одни действуют ради людей, другие, искренне полагая, что стараются ради тех же людей, на деле приносят им только вред, а третьи откровенно причиняют людям зло. А так как сила разума различна и не ясно, чей и какой по типу разум в данной конкретной ситуации может взять верх, в жизни людей, человеческих сообществ и больших государств почти всегда возникает достаточно широкий простор для любого типа случаев. Иными словами, расчет может быть элементарно неверен, причем не исключено, что с обеих сторон.

Другая сложность в том, что складывающееся в каждом данном случае стечение обстоятельств – а таких ситуаций достаточно – зависит не только от глубины и мощи разума и тем более от его вектора, но и от многих привходящих моментов. К их числу относятся и принятые нормы бытия, и существующие системы ценностей, и реальное соотношение самых разнообразных сил, как объективных, так и субъективных. Должны быть учтены конкретная обстановка, желания и стремления власть имущих, страсти людские, решительность либо безволие, принуждение, умело и вовремя использованная элементарная сила и многое, многое другое. И далеко не всегда, естественно, разум и целесообразность оказываются в соревновании победителями. Но как происходит само это соревнование сил и страстей в рамках данного сложившегося в важный для кого-

то или чего-то момент стечения обстоятельств? Как взаимодействуют между собой все многочисленные и порой противоречивые интересы, намерения и силы, которые в роковой момент истории вступают друг с другом в некое сцепление?

Коль скоро главная наша цель – разобраться в проблемах эволюции и особенно в причинах ускоренных темпов эволюции, то ответить на этот вопрос очень важно. Вообще-то ответ достаточно прост. Все зависит от самого сочетания нескольких, а то и многих взаимодействующих и даже противодействующих сил. Они образуют некую геометрическую, а то и стереометрическую фигуру, математически решаемую сведением всех противоречивых сил к простейшим параллелограммам, равнодействующие которых после их сложения определяют конечный итог, решающий фактор, имеющий определенную силу, и вектор.

Многое при любом стечении обстоятельств зависит просто от соотношения сил. Но главная сложность даже не в том, чтобы увидеть и учесть каждую из них, не ошибившись в ее величине и направлении. Важно также вовремя заметить и принять во внимание динамику и тенденции всех их изменений. Это необходимо потому, что обычно в любой данный момент, учитываемый мудрыми стратегами, принимающими ответственные решения, происходят перемены, игнорирование либо просто невнимание к которым могут перечеркнуть все прежние, вроде бы вполне серьезные, расчеты. И еще. Даже самый тонкий и умело сделанный расчет обычно просто не в состоянии при всех сложившихся обстоятельствах решить проблему так, чтобы добиться именно такого результата, к которому вы стремитесь. Решение проблемы зависит в конечном счете не от ваших расчетов и даже вполне уместных перерасчетов, а от того вектора, который в итоге выходит наружу, демонстрируя свою силу и свое направление.

Стоит учесть, что благоприятное стечение обстоятельств встречается не слишком часто. Сложный комплекс именно благоприятного стечения обстоятельств потому и важен, иногда существеннейшим образом важен для судеб истории. Этот комплекс может складываться – в отличие от удачного случая – медленно и проявлять себя не сразу, и в этом еще одно его серьезное отличие от обычного счастливого случая. Можно сказать и более определенно: благоприятное стечение обстоятельств в чем-то сравнимо со стратегической задачей, со стратагемой, решать которую предстоит не

сразу, а со временем. Более того, на начальном этапе формирования такого комплекса – а он может иногда создаваться и вполне сознательно, задумываться как далеко идущий план или иметь характер чего-то вроде эстафеты, передающей решение сложной и важной задачи из рук в руки, – очертания и вообще параметры его еще часто бывают не вполне ясны тем, кто его создает. Более или менее очевидна лишь конечная цель.

Обратимся к историческим примерам. Эллинизированные государства ближневосточной древности после романизации и христианизации региона имели великолепные шансы добиться упрочения передовой рыночно-частнособственнической структуры. Во главе с Восточной Римской империей, бывшей в первых веках нашей эры наисовершеннейшим воплощением успехов, достигнутых этой структурой, эллинизм вполне мог резко ускорить темпы своей эволюции. Но реализовать это оказалось невозможно как раз из-за той не сразу замеченной и не учтенной силы, о которой в теоретическом плане шла речь выше. Столкнувшись с силой полукочевых бедуинов, обретших мощь и организованность с принятием ислама, эллинизм не смог успешно противостоять воинам пророка Мухаммеда. Собственно, никакие расчеты здесь уже не помогли бы. Соотношение сил безо всяких расчетов оказалось очевидным: все было против чуждого мусульманам эллинизма. И все пало к их ногам. Уцелела разве что Византия, да и то сильно потрепанная. Весь остальной Ближний Восток практически без серьезного сопротивления не только подчинился воинственным бедуинам, но и в подавляющем своем большинстве, пусть даже не сразу, принял ислам, резонно увидев в его элементарных основах удобный способ вернуться к привычному прошлому, забыв об эллинизме, о романизации и даже о христианизации.

Печальный опыт с ближневосточной постэллинистической древностью, с легкостью преодоленной полупервобытным в ту пору исламом, говорит о том, что стечение обстоятельств как сложный многовекторный фактор не может считаться чем-то, что обязательно содействует эволюции. Этот фактор в отличие от успешной случайности не может с легкостью определяться в качестве благоприятного либо неудачного. Он вообще многим отличается от первого, разового, редкого и могущего быть даже чем-то вроде жребия. Этот фактор особый. Он может либо помочь успешной эволюции, либо помешать ей. И в зависимости от того, куда ука-

жет равнодействующая всех векторов, оказывающих свое влияние в рамках данного стечения обстоятельств, его можно считать способствующим успешной эволюции либо, напротив, препятствующим ей.

Стоит в этой связи уделить особое внимание конкретной ситуации, которая оказалась для всего мирового исторического процесса именно благоприятным стечением обстоятельств. Очевидно, что это, как и удачная случайность, встречается не слишком часто. Но зато в исторически важные, ключевые моменты данный фактор мог подчас сыграть решающую роль. Впрочем, взглянем на факты. О печальном результате неблагоприятного стечения обстоятельств на рубеже древности и Средних веков в связи с исламским завоеванием уже говорилось. Но едва ли не самое интересное для изучения благоприятного стечения обстоятельств как исторического фактора в том, что практически одновременно с Ближним Востоком в другой части Евразии, западноевропейской, протекал параллельный и аналогичный ему процесс, который имел прямо противоположный результат и оказался весьма благоприятным для истории человечества.

Обратим внимание на важнейшие из событий раннесредневекового Рима. Речь идет о столкновении многих восточных по происхождению этнических общностей (Великое переселение народов) с находившейся в состоянии острого кризиса Западной Римской империей. С конца V столетия н. э. варварские кочевые и полукочевые племена и тем более не прошедшие еще этапа трибализации² этнические общности не просто стремились захватить и разграбить Рим (что неоднократно и происходило), но буквально пытались стереть его с лица Земли, как это когда-то сделали дорийцы с ахейской Грецией. Более того, варвары, которых было, видимо, намного больше, чем дорийцев в Греции, и которые принадлежали к разным этническим общностям, в ожесточенных столкновениях друг с другом тоже могли довести процесс уничтожения наследия античного Рима до нулевой точки. Неизвестно, что произошло бы тогда со

---

² Термин «трибализация» означает превращение этнической общности без политической структуры и, в частности, без вождя в протогосударственную структуру во главе с выделившимися в ней племенными вождями. Такой процесс обычно протекал под влиянием более развитых соседних обществ.

средневековой Европой. Но случилось нечто иное. Рим в некотором смысле не просто уцелел, но и одолел своих противников. Как это произошло?

Вернемся к благоприятному стечению обстоятельств как одному из основных факторов эволюции вообще и в раннесредневековой Европе в частности. Нельзя сказать, что ситуация здесь была явно благоприятной по отношению к античному наследию, т. е. к третьему и главному из рассматриваемых в данной статье факторов, к протобуржуазии и приоритету рыночно-частнособственнических отношений. Товарно-денежные связи, рынок, да и сама частная собственность в начале второй половины I тысячелетия н. э. во всей Западной Европе, густо заселенной римскими колонистами (точнее, уже их потомками), находились в жалком состоянии. Военственный дух полупервобытных пришельцев с Востока, откуда они могли принести с собой только структуру власти-собственности, да и то лишь в зачаточном состоянии, без развитой администрации с обычно свойственной ей централизованной реди-стрибуцией, активно противостоял развитым в античном Риме рыночно-частнособственническим отношениям. Какая серьезная и влиятельная сила в таких условиях могла помочь римлянам?

Этих сил было две. С одной стороны, не угасшие, хотя и при-топтаные конями варваров античные традиции с их высокоразвитыми торгово-денежными и рыночными связями, с огромной ролью права и благоговейным отношением к частной собственности, практически вовсе не знакомой варварам. С другой – крепко стоявшая на ногах христианская церковь, воодушевленная возможностью прозелитизма, обычно поднимающего дух миссионеров. Никакой альтернативы столь высокоразвитой религии у варваров в Западной Европе – в отличие от аравийских мусульман – не было. А проповеди миссионеров и благолепие церковной службы в городах, где многие церкви уцелели (их, кроме всего прочего, варварам было не так легко разрушить), способствовали успокоению воинственного пыла вчерашних кочевников и полукочевников. Нельзя к тому же не учесть, что в силу отсутствия удобных условий для кочевий варвары были вынуждены понемногу оседать и превращаться в земледельцев, что по определению делало их более мирными и спокойными, более открытыми к христианской вере и рутинным занятиям земледельцев.

Античные традиции римских колонистов, которые жили по соседству с новопоселенцами, причем в немалом количестве, активно содействовали обретению вчерашними варварами некоторых важнейших элементов духовной, а затем и материальной культуры Рима. И все это, вместе взятое, способствовало не только успешной аккультурации, но и последовавшему за ней довольно быстрому поступательному развитию раннесредневековой Европы. Результат очевиден: высокий уровень античной культуры и накопленная римлянами мощь опыта, знаний, их уважение к праву и явный приоритет рыночно-частнособственнической структуры как единственно известного в античном мире способа существования не сразу, но все же вскоре взяли верх над полупервобытными нравами новопоселенцев восточного происхождения.

Принципы жизни представителей античного мира в тяжелых условиях длительного соревнования взяли верх. При этом, однако, отсутствие сколько-нибудь развитой администрации и политическая децентрализация в возникавших государственных образованиях варварских королевств вызвали к жизни те самые феодальные социо-политические и хозяйственно-правовые отношения, которые были знакомы некоторым древневосточным странам, как, например, чжоускому Китаю, начавшему свое существование в некотором смысле в аналогичных условиях с незапамятных времен. Вместе с тем города раннесредневековой Западной Европы – в отличие от тех же чжоуских – восприняли от античного наследия самое главное, т. е. влиятельнейшую роль и явный приоритет освобожденных от примеси элементов институтов власти-собственности и редистрибуции рыночно-частнособственнических отношений с присущими им гарантиями, правами и привилегиями.

Итак, перед нами сложное многовекторное стечение обстоятельств. Но если попытаться вычленить основные силы и направления, то окажется, что из-за ряда конкретных условий некоторые противоречивые векторы гасили друг друга, а равнодействующая их все уверенней превращалась в линию, которая символизировала успех того, что можно было бы оценить как благоприятное для потомков римлян стечение обстоятельств. И появление этого важного фактора успешной эволюции было не просто случайностью, а неким важным итоговым результатом. Он сводился к тому, что наряду с принципиально чуждыми античной традиции феодальными отношениями со свойственными именно им привилегиями круп-

ных и часто сепаратистски настроенных властителей укреплялись позиции городов, где быстрыми темпами возрождалась и укреплялась античная традиция либеральной демократии. Неясное и вначале очень скверно складывавшаяся для рухнувшего Рима ситуация обернулась через некоторое время для потомков античных римлян и завоевавших Рим варваров благоприятным стечением обстоятельств. Суть его свелась к приоритету и даже к ускоренным темпам развития восходивших к античным традициям протобуржуазных рыночно-частнособственнических отношений.

Из этого следует, что сложилось благоприятное стечение обстоятельств, которое сыграло исторически неопределимую роль в формировании механизма успешной и ускоренной эволюции. Смысл этого механизма сводился к тому, чтобы, используя вновь возникшее и вначале не очень определенное стечение обстоятельств, попытаться еще раз закрепить на планете не сумевший добиться победы на Ближнем Востоке античный вариант эволюции с присущим ему приоритетом рыночно-частнособственнической структуры. Успех этого варианта в новых условиях был важен для того, чтобы какая-то часть планеты снова получила необходимые преимущества, явственно сводившиеся – как было и в античности – к динамичному и эффективному развитию с ускорением темпов эволюции. В чем же великий смысл свершившегося поворота, достигшего успеха в период перехода от древности к Средним векам не сразу, но лишь со второй попытки?

Третий и важнейший фактор буржуазной ускоренной эволюции

Суть потрясающего успеха в развитии рыночно-частнособственнических отношений в городах позднесредневековой Европы в том, что возник и начал активно действовать третий и самый важный фактор успешной эволюции и нарастающего ускорения ее темпов. Этот фактор не был новым. Но он принципиально отличался от первых двух именно тем, что являл собой непреодолимую силу, не зависящую практически ни от чего, кроме самого себя. Буржуазный фактор олицетворял ту индустриальную мощь, которую обрело человечество (точнее, Западная Европа) на определенном этапе своего развития. Благодаря этому промышленное производство, опиравшееся на достижения науки и техники, постоянно рос-

ло и тем способствовало ускорению темпов эволюции. Но чтобы понять всю великую значимость этого мощнейшего фактора эволюции в истории нескольких последних веков, стоит рассмотреть обстоятельства его возникновения.

Третий фактор не был чем-то таким, что создается влиянием сил, действующих на развитие событий извне; как раз этим он принципиально отличается от первых двух. Но в чем тогда его неодолимая сила? *Она заключалась в том, что третий фактор был с самого начала основан на возможностях никогда и никем не контролируемых и потому не оскорбленных властью, как это было на Востоке, рыночно-частнособственнических отношений античного типа.*

Проблемы, связанные с эволюцией рыночно-частнособственнической структуры на Западе, заслуживают специального обстоятельного анализа. Этот вопрос был основательно запутан марксистской теорией о смене формаций. Как известно, в отечественном обществоведении едва ли не столетие господствует представление о том, что буржуазное развитие («капитализм», «буржуазный способ производства») – это формация, пришедшая в виде нового способа производства на смену феодализму. В рамках подобного рода терминов воспитаны как поколения отечественных специалистов, так и все те, кто был вынужден не столько изучать, сколько «сдавать» теорию марксизма на экзаменах. Выработанное Марксом на основе материалов средневековой европейской истории представление о том, что феодальная формация предшествовала буржуазной и что будто бы именно в этом смысл всемирно-исторического процесса, к сожалению, по сей день доминирует в наших учебниках и служит многим отечественным специалистам своего рода путеводной звездой. Но обратим внимание на реалии. В частности, на то, что такое буржуазия.

Есть все основания считать именно античные рыночно-частнособственнические связи протобуржуазными отношениями. Имеются в виду хорошо налаженное постоянное производство товаров и торговля ими, в том числе транзитная. Этим и отличалась античная структура с ее организованными в рамках полисов самоуправляющимися коллективами граждан. Главным достоянием гражданского общества были не только абсолютное и никем никогда не оспаривавшееся право на частную собственность, производство и свободные рыночные связи, но и хорошо разработанная в

полисах система гарантий и привилегий. Эта система, в свою очередь, строго соблюдалась избранной гражданами полиса властью (магистратами) и опиралась на ими же самими изданными и всегда строго соблюдавшимися законами. Власть в полисах существовала главным образом для того, чтобы на строго правовых основах сохранять вроде бы элементарную, но крайне важную для граждан структуру.

Вплоть до сегодняшнего дня многие грамотные и образованные люди искренне верят в то, что античность – это прежде всего жестокое рабство. А раз так, то античная древность – некий рабовладельческий строй, во главе которого стоит класс рабовладельцев. Термины подобного типа встречаются сплошь и рядом, вставляются студентами в их незрелые еще самостоятельные работы бездумно, автоматически. Да, рабы в полисах были, но они могли добиться освобождения, стать вольноотпущенниками, т. е. если и не полноправными гражданами, то защищенными законом торговцами или предпринимателями в том же полисе. А основными производителями в полисах всегда были сами граждане. Поэтому-то античность – это не рабовладельческая формация, как ее любят именовать специалисты по отечественному истмату (теперь это название уже не употребляется, хотя специалисты отнюдь не перевелись). *Но главное все же в том, что античность – это и есть эпоха зарождения капитализма, начальный этап буржуазных, правильнее – протобуржуазных – отношений.* И это отнюдь не открытие³. Скорее, это следует воспринимать как аксиому, не нуждающуюся в доказательствах.

Особенно наглядно система давно возникших и уже вполне развившихся протобуржуазных отношений проявила себя тогда, когда на смену полисам в процессе синойкизма пришли большие древнегреческие города. Напомним, что термин «буржуа» в переводе с французского означает «горожанин», «житель города» (не следует путать с античным юридическим понятием *гражданин*). Античные города с огромным количеством филиалов-колоний, а затем целые империи, вначале эллинистические, основанные Александром Македонским, а позже Римская, были не просто крупными агломерациями с хорошо разработанной городской инфраструкту-

---

³ В XIX веке об этом писали такие крупные и всемирно известные знатоки древности, как Эд. Мейер и особенно внятно М. И. Ростовцев (1900). См. об этом, в частности: Семенов 2003: 164.

рой и великолепной архитектурой. Гораздо важнее то, что они были средоточием высокоразвитого производства, причем не только мелкого ремесла. В них имелись большие верфи, на которых строились морские суда, они были знакомы с крупномасштабной строительной индустрией и производили немалое количество еще примитивной, но важной для различных нужд техники. Развитой была и финансово-экономическая система, на которую опирались в городах эллинистического типа производство и крупномасштабная торговля.

Вот почему многие века существования этих городов в рамках огромных эллинистических и римских государственных образований можно считать периодом заметного процветания рыночно-частнобуржуазных отношений именно *буржуазного* хозяйства, пусть в его еще *ранней протобуржуазной форме*. Добавим, что в эпоху эллинизма такие же отношения появились в затронутых влиянием античности древних ближневосточных странах. Правда, здесь сохранялись, особенно в пределах обширной провинциальной хоры, нормы, характерные для традиционных восточных структур.

Античная и даже эллинистическо-римская протобуржуазная структура на территории Ближнего Востока была – с точки зрения эволюции буржуазных отношений – уже достаточно развитой. Но прошли еще долгие века, прежде чем она превратилась в гораздо более продвинутую систему предбуржуазных общностей западноевропейского Средневековья. Века эти были связаны с крушением Западной Римской империи и аккультурацией поселившихся в Западной Европе потомков восточных варваров. При этом в новых условиях ограниченная деятельность античной протобуржуазии была замещена более энергичной активностью западноевропейской городской предбуржуазии. *И в конце Средневековья проблема ее приоритета и господства рыночно-частнобуржуазной структуры стала основной. Опираясь на возросшие возможности, западноевропейская протобуржуазия, а затем и пришедшая ей на смену полноценная буржуазия постоянно стремились – насколько это им удавалось в разных странах и при различном стечении обстоятельств – включить третий, торгово-рыночный и буржуазно-частнобуржуазный фактор эволюции, все более очевидно становившийся приоритетным и даже господствующим, на полную мощь.*

С выходом на авансцену истории третьего, буржуазного фактора ускоренной эволюции значимость первых двух резко сократилась. Оба они отошли на задний план. Конечно, в конкретной исторической действительности и случайность, и стечение обстоя-

тельств, причем далеко не всегда благоприятное, продолжали давать о себе знать. Чего стоит хотя бы знаменитый «насморк» Наполеона, который будто бы помешал ему одержать победу при Ватерлоо. Но во всем том, что касается ускоренных темпов эволюции, столь заметных на Западе, а затем и во всем мире с XIX столетия, основная роль перешла только и именно к третьему мощному фактору, затмившему собой все. Это вполне понятно. Первый и второй факторы, игравшие решающую роль тогда, когда третий еще либо отсутствовал, либо проявлял себя не слишком сильно, не могли быть ни постоянно действующими, ни работающими сверх заложенной в них мощи. И они фактически просто перестали быть остро нужными, коль скоро появился и особенно заработал в полную силу третий, буржуазный фактор.

Активизация этого важнейшего фактора эволюции, знакомого Западу с античных времен, подчеркнула принципиальное отличие западного пути развития. Успехи буржуазного предпринимательства на рубеже XVIII–XIX веков более ни у кого на Западе не вызывали сомнений. Связанные с этим многочисленные новации готовили, а затем и обеспечили – не говоря уже о производстве как основе экономического процветания – все те великие достижения в сфере науки, техники, культуры и искусства, которыми заслуженно мог гордиться и гордится по сей день динамично развивавшийся и продолжающий все более энергичными темпами развиваться постсредневековый Запад. Что же касается традиционного Востока, то он начал изменяться (вестернизоваться), да и то лишь частично, только в период колонизации, причем далеко не сразу, скорей, на заключительном ее этапе.

Третий, буржуазный фактор, исключительный по преобразующей мир силе и исторической значимости импульса, далеко не случайно сформировался именно на Западе. Значимость этого фактора как мощной силы истории, как рычага, включающего все ускоряющееся движение вперед, стала со временем заметна повсеместно. В этой связи крайне важно учесть, что представление о протестантской буржуазии как локомотиве энергичного развития не должно создавать впечатление, будто западноевропейские страны, оставшиеся католическими и не оказавшиеся по этой причине в первых рядах радикальных буржуазных преобразований, принципиально долго отличались от передовых. Разумеется, различие было, причем на нем сознательно делался акцент. Однако оно не было прин-

ципиальным в том смысле, что фактор приоритета буржуазного предпринимательства активно действовал только в протестантских странах, тогда как католических он вовсе не касался. Это не так.

Третий фактор явственно продемонстрировал свои несомненные потенции и благодаря темпам развития побудил всех европейцев уделить внимание развитой рыночно-частнособственнической структуре в ее полноценном буржуазном варианте. Католические страны вынуждены были пересмотреть отношение к своей подавленной властью предбуржуазии. Правители стагнировавших либо заметно отстававших стран Западной и ряда стран Восточной Европы осознали, что курс на пренебрежение третьим сословием неверен. Это начало адекватно восприниматься прежде всего в сфере технико-технологических новаций практически всеми в Европе, от противостоявших протестантам католиков до Петра I, особенно после того, как успехи первых буржуазных стран, Голландии и Англии, стали разумно рассматриваться как пример, которому стоит следовать, если нет желания отстать и оказаться позади всех.

Власти единственной из крупных европейских стран, которые не желали осознать этот бесспорный факт, – Франции, как известно, дорого за это заплатили (имеется в виду революция). Что же касается остальных, то пусть не сразу и не резко, но все они понемногу подтягивались и вставали на рельсы того пути, по которому с ускорением двигался буржуазный локомотив истории. Это относится и к Испании, и к Германии, и ко многим другим европейским странам. Процесс резкого ускорения темпов эволюции человечества проложил широкую дорогу для буржуазного развития Запада, а затем и почти всего мира, что наиболее наглядно проявилось в последующие столетия, особенно в XIX и XX веках. Впрочем, здесь следует сделать одно примечательное дополнение.

В отечественном обществоведении, в частности в историографии периода конца XVIII и почти всего XIX веков, часто используется термин «промышленный переворот». Термин яркий, но по сути крайне неудачный, чтобы не сказать бессмысленный. Что за переворот? Кто и почему его совершил именно в это время? Откуда взялась развитая машинная промышленность? Разумеется, если опираться на марксистский тезис о том, что производительные силы вроде бы растут сами по себе, то дело кажется ясным. Доросли до чего-то – и промышленность стала совсем другой. Однако вопросы остаются. Почему они доросли именно в это время? Кто их тянул, кто помогал им расти?

Ответ между тем абсолютно ясен. Не было никакого промышленного переворота. А был выход на авансцену буржуазии с ее буржуазным фактором ускоренной эволюции. Но почему буржуазия с этим фактором оказалась реально функционирующей именно на рубеже XVIII и XIX столетий? Потому, что Великая французская революция и последовавшие за ней наполеоновские войны распространили важнейшие буржуазные преобразования в социально-политических отношениях на всю континентальную Европу. Не следует забывать, что Наполеон принес конституционный строй и отмену феодальных привилегий и повинностей практически всем оставшим в этом плане завоеванным им европейским странам. При этом, несмотря на попытки реставрации после Наполеона, старые порядки нигде восстановить не удалось. Во всей континентальной Европе, начиная с самой пореволюционной Франции, буржуазия уверенно вышла на передний план и, укрепляя в нелегкой борьбе с реакцией свое превосходство и господство, включила на полную мощь тот самый фактор эволюции, о котором идет речь. Следовательно, не некий безымянный и бессмысленный «промышленный переворот», а именно буржуазный фактор эволюции стал причиной резко ускорившихся темпов промышленного развития. Это и было основной сферой деятельности освобожденной от оков старой власти буржуазии с характерной только и именно для нее ведущей ролью рыночно-частнособственнических отношений.

Завершая анализ основных факторов эволюции в истории человечества, следует еще раз подчеркнуть, что именно буржуазный фактор гарантировал неизбежность быстрых темпов эволюции только одной и вполне определенной, западной по происхождению, антично-буржуазной структуры. И это вполне логично: буржуазное (вначале прото- и предбуржуазное) предпринимательство со своими тенденциями к увеличению объема и ускорению темпов производства не только постоянно вызывало к жизни, поддерживало и всячески усиливало мощь данного фактора, но и всегда опиралось на его неиссякающие потенции. Успехи в сфере промышленного производства, торговли, финансов и любого иного предпринимательства, с одной стороны, и буржуазный фактор эволюции, работающий в полную силу лишь при общественном признании его приоритета, с другой, тесно связаны. Включение буржуазного фактора эволюции на его полную мощь, собствен-

но, и следует считать важнейшим качественным отличием Нового времени от Средневековья.

Литература

Васильев, Л. С. 1995, 2000, 2006. *Древний Китай*. Т. 1–3. М.: Восточная литература.

Ростовцев, М. И. 1900. Капитализм и народное хозяйство в древнем мире. *Русская мысль* 3: 195–197.

Семенов, Ю. И. 2003. *Философия истории*. М.: Современные тетради.

Философская энциклопедия. 1962. М.: Советская энциклопедия.